

Марат Валеев

Дело Мурзика

Марат Валеев

Дело Мурзика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855321

ISBN 9785449602350

Аннотация

Эти рассказы заставят вас переживать и улыбаться, гневаться и поражаться. И если вы, закончив читать книжку, станете еще чуточку добрее к братьям нашим меньшим, значит, автор достиг своей цели.

Содержание

Михалыч и Митяй	5
Борька	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дело Мурзика

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4496-0235-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Михалыч и Митяй

Ногу Виктор Михайлович Бельский, а попросту – Михалыч, надо признать, потерял глупо – когда еще лет пятнадцать назад вдруг начал хромать, хирург в районной больнице сказал ему, что это болезнь сосудов, эндартериит. Она практически неизлечима, но если бросить курить, то ее можно хотя бы остановить.

Михалыч регулярно, раз в год ложился в больницу под капельницу, дисциплинированно принимал прописанные ему лекарства, но с куревом так и не смог расстаться и потому хромота его все усиливалась. Ходил он уже с большим трудом, а вскоре и вовсе не смог наступать на правую ногу: ступня распухла и страшно болела. Началась гангрена, и ногу ему, в конце концов, оттяпали, причем – выше колена. Вот только тогда Михалыч все же бросил курить. Потому как если бы не бросил, вполне мог расстаться и со второй конечностью, которая тоже болела. Хотя и поменьше, чем бедная правая, где-то теперь уже похороненная или сожженная в печи больничной котельной, царствие ей небесное. О судьбе отрезанной ноги Михалычу в больнице не сказали, да он как-то и не заморачивался на эту тему и вспоминал о ней лишь в придуманной им «шутке черного юмора», когда мог для красного словца ляпнуть, что одной ногой он уже «там».

Отказ от курева Михалычу дался нелегко. Беда еще была

в том, что почти год он сиднем просидел дома, ожидая, пока чудовищный шрам на ноющей культуре окончательно заживет, чтобы затем можно было ехать в областной город на протезирование. Жена Тамара с утра уходила на работу в детский сад, которым она заведовала, и возвращалась лишь после шести часов вечера. Предоставленный самому себе, Михалыч угрюмо сидел дома один, мучаясь от желания закурить. Одиночество ему скрашивали книги, телевизор да толстый и ленивый, но очень ласковый кот Митяй. Предполагалось, что он принадлежит серой русской породе, хотя никаких документов по этому поводу на него не имелось. А произвела его на свет полусиамка, полу-неизвестно-кто Мотя, когда Михалыч был еще на своих двоих и добросовестно трудился бульдозеристом в мехколонне на строительстве автотрасс. Эту диковатую голубоглазую кошку, «если что» без раздумья пускающую в ход когти и зубы, Тамара принесла с работы, чтобы навести укорот на разгулявшихся в их квартире мышей. Двухэтажный дом на восемь хозяев, среди которых значились и Бельские, был выстроен из деревянного бруса, как и практически все жилье в этом северном поселке, и с годами огромное число пустот в его перекрытиях, в стенах за листами сухой штукатурки дружно заселили мыши и даже крысы, и без конца что-то там грызли, точили, шуршали, а ночами смело объявлялись на кухне с целью чем-нибудь поживиться.

* * *

Мотя оказалась свирепой и азартной охотницей и быстро навела порядок в квартире своих новых хозяев, всего лишь за неделю изловив с пяток штук мышей. Остальные, насмерть перепуганные, обитатели застенков и подполья надолго притихли в своих пустотах и передвигались там только на цыпочках, потому что Мотя, услышав шорох, тут же бросалась к подозрительному участку квартиры и надолго замирала там в засаде. В такие минуты она почти не дышала и не двигалась, вперив горящий и неподвижный взгляд в одну точку. Уносить Мотьку обратно в садик, где кошек и так было хоть отбавляй – какие сами прибывались, на запах кухни, каких втихомолку кто-то подбрасывал еще несмышлеными котятами, – было жалко, настолько привыкли к ней. Так и прижилась она у Бельских. А вскоре выяснилось, что Мотька, оказывается, беременна!

В положенное время она сама забралась в специально оборудованную Тamarой картонную коробку и без собой натуги произвела на свет четверых слабо пищащих слепых котят самой разной расцветки, впрочем, совершенно не похожих на Мотьку.

Один из них, головастый и в серую полоску, оказался самым крупным, это и был будущий Митяй. Вот его, после ряда совещаний, Бельские все же решили оставить, а троих других котят, когда они немного подросли, с большим трудом растолкали по знакомым. Митяй менее чем за год вымахал в крупного вальяжного котяру. Еще бы: он один за чет-

верых сосал мамкины, то есть Мотькины, титьки. Даже когда прошел положенный срок «грудничкового» возраста, Митяй бесцеремонно заваливал мамку набок и, обхватив ее толстыми лапами, припадал к одному из сосков – причем уже явно пустых! – и с наслаждением чмокал. Мотька сначала злилась, а потом смирилась и принимала эту процедуру покорно. Как массаж. Дальше – больше. Дойдя до половой зрелости, этот греховодник в кошачьем обличии избрал объектом для своих сексуальных утех ее же. То есть мать свою, Мотьку.

* * *

Бельские возмутились и решительно пресекли этот кошачий инцест. Тамара отдала Мотьку одной из своих сотрудниц, давно высказывавшей желание заиметь сиамку, пусть и полукровку. И вот Митяй остался в их доме один и жил долго и счастливо много лет, пользуясь особым покровительством хозяина. Михалыч был, что называется, кошатником. Может быть, потому, что по зодиаку сам был Котом. И Митяй тоже выделял Михалыча: всегда лез под руку хозяина, чтобы тот его погладил, «почухал» мягкое толстое брюшко. А стоило Михалычу прилечь на диван, как Митяй, довольно урча, тут же по-хозяйски располагался на его груди – подремать часок-другой.

И всем было хорошо, и все были довольны. Но с годами Митяй состарился, у него начали болеть зубы, это было понятно по тому, как он во время еды все чаще взрыкивал и отскакивал от своей площадки с мясом, а изо рта у него нача-

ло неприятно пахнуть. Митяя несколько раз пришлось отнести к ветеринару. Тот нашел у кота пародонтоз и под наркозом несколько раз удалял ему зубные камни и наиболее расшатавшиеся зубы. Но все равно Митяй к пятнадцати годам своей долгой кошачьей жизни утратил возможность кусать мясо, а ничего другого он признавать не хотел, в том числе и появившиеся в последнее время кошачьи консервы, и Михалыч специально для него вертел фарш из дикой оленины. Благо, что ее здесь было хоть завались – не так далеко от поселка пролегал вековой миграционный путь огромного стада «дикаря», которого местные промысловики добывали для продажи населению. Совсем незадорого, по сравнению с привозными свининой, говядиной и птицей.

Сосед Михалыча, безобидный пьянчужка Сеня Шатунов, который, как ни зайдет, все заставлял Михалыча у мясорубки, не раз советовал ему отнести Митяя к ветеринарам и усыпить «к чертовой матери».

– Сеня, иди ты сам к чертовой матери, – сипел потный Михалыч, с трудом прокручивая едва отошедшие после морозилки куски оленины. – А если тебя усыпить?

– А меня-то за что? – искренне удивлялся Сеня. – Я – человек!.. Михалыч, я чё зашел-то. Стольника не будет, до полочки? Лучше бы, конечно, двести. Но если дашь хотя бы сто пятьдесят, я не обижусь...

Щупленький Сеня со своей дородной женой Варварой жил напротив Бельских. Варвара устала бороться с Сени-

ным алкоголизмом, а потом и сама стала с ним попивать. Но на опохмелку денег ему никогда не давала. А, встав с утра пораньше, пока Сенька, дергаясь и скрипя зубами, еще досматривал свои утренние похмельные кошмары, быстренько убегала на работу, в местную пекарню, где отпивалась чаем с ванильными булочками. От Варвары всегда вкусно пахло свежеиспеченным хлебом и ванилью. И сама она была как булочка – румяная, пухленькая. Но Сеньке давно уже было на нее наплевать.

Одна отрада осталась у Сеньки в жизни – водка, после тесного общения с которой он шел к Михалычу – в их доме только Михалыч еще не отказывался давать ему в долг. А у Михалыча деньги водились, потому что, кроме «инвалидской» пенсии, он получал еще зарплату как сторож детского сада, куда его устроила жена. Садик был буквально через дорогу, и Михалычу не составляло особого труда, нацепив неудобный протез и опираясь на трость, доковылять туда один раз в трое суток, и провести там ночь. А так как у Михалыча руки росли оттуда, откуда надо, он время своей сторожевой вахты коротал за починкой детских стульчиков, шкафчиков и прочей поломанной мебели. За что заботливая и справедливая заведующая садиком, в лице жены Тамары, приплачивала ему уже отдельно. Конечно, все заработанное Михалычем шло в семейный бюджет, которым, как и полагается, ведала рачительная супруга. Но пару-тройку сотен рублей – на газеты там, банку-другую пива раз в неделю, – ему

с получки или пенсии милостиво разрешали оставлять при себе. Так что Михалыч мог себе позволить дать займы Сене Шатунову из своих карманных денег. Тем более, что Сеня никогда не забывал вернуть их. Правда, не «завтра», как он божился, приплясывая на пороге кухни от нетерпения, а чаще всего через месяц-другой. Но ведь возвращал!

* * *

Однако вернемся к Митяю. К проблемам с зубами у дряхлеющего кота добавились еще трудности с почками и памятью. Митяй стал помногу мочиться, причем упорно – не в туалетный лоток, а рядом. Когда был здоровым и молодым, в туалет ходил, можно сказать, показательно, демонстративно громко шурша высланными газетами – дескать, смотрите, хозяева, какой я хороший. А впав в старческий маразм, старался выбрать момент, когда рядом никого нет, и прудил рядом с лотком на пол.

Кот был крупный, и лужа после него образовывалась большущая, невозможно вонючая и с длинными, на всю прихожую, красноватыми потеками. В ветлечебнице, куда хозяйка снесла Митяя в очередной раз, ему сделали «узи» и сообщили, что это все, увы, старческие хвори, которые уже и лечить-то бесполезно, и которые уйдут только вместе с недалекой кончиной кота. И предложили эту кончину ускорить прямо тут, за небольшую плату, чтобы и сам кот больше не мучился, и хозяев освободил от мучений.

Но Митяй все еще был дорог не только Михалычу, но и са-

мой Тамаре, которого она вырастила, можно сказать, с младенческих когтей. И потому она гневно отвергла милосердное предложение ветеринаров и настояла на том, чтобы ему все же выписали какие-нибудь лекарства.

Уколы Тамара делала Митяю дома сама – наловчилась на Михалыче, когда тот на перемену погоды начинал корчиться от фантомных болей в отсутствующей ноге, и экзекуцию эту кот переносил довольно мужественно. А вот заставить его глотать лекарства было практически невозможно: кот ошалело пучил глаза, шипел и плевался не хуже верблюда. Впрочем, лечение никак не сказалось на его периодичности опорожнения мочевого пузыря. В тех же количествах и на том же месте. То есть на пол.

* * *

Михалыч, совестясь за своего любимца и жалея жену, первое время сам пытался протирать полы. Но пару раз поскользнулся и навернулся с костылей так, что чуть не сломал последнюю ногу. Потому все мочевые потоки, шипя сквозь зубы нехорошие слова, собирала половой тряпкой Тамара и затем долго намывала пол с хлоркой и разными там ароматизаторами. А на другой день все повторялось – подлый Митяй улучал момент и снова тихой сапой шел на мокрое дело. Из-за всего этого в квартире, как ее ни проветривали, воцарился устойчивый специфический запах, и Бельские перестали приглашать к себе гостей, а незваных просто не пускали дальше порога. Кроме Сеньки – тот был свой человек.

А тут жена Михалыча улетела на недельку «на материк» – в город, вроде как по делам, но на самом деле проведать сына-студента. Михалыч остался дома один с Митяем. На второй день заявился Сенька – опять перехватить «до завтра» стольник-другой. Михалыч посмотрел-посмотрел, на небритого, но веселого соседа – с похмелья тот, как ни странно, почему-то всегда был весел, – махнул рукой и дал ему пятьсот рублей.

Сенька не поверил своим глазам:

– Михалыч, завтра я тебе столько не верну. Послезавтра, ладно?

– Не надо ничего возвращать. Купи пару бутылок нормальной водки, да дуй ко мне, – распорядился Михалыч. Посидели они в тот день хорошо, поговорили по душам, если это только можно было назвать разговором: от постоянного соседства с громыхающими дизелями Сенька был глуховат, и поэтому и сам всегда орал при разговоре, и ему приходилось кричать, чтобы он что-то расслышал. Их содержательную беседу прервала пришедшая с работы Сенькина жена Варвара. По несусветному ору, доносящемуся даже из-за двойных дверей квартиры Михалыча, ей не составило труда найти местопребывание непутевого муженька и утащить его за шкуру домой. Михалыч запер дверь за удалившимся супругами Шатуновыми и отправился спать. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как костыли его, попав в очередную митяевскую лужу, разъехались, и Михалыч с грохо-

том свалился на пол. Причем, получилось так, что сел он на шпагат в центре самой лужи. Такого вопля их дом, пожалуй, не слышал уже давно.

– Митька, гад, я убью тебя! – ревел Михалыч, ворочаясь на полу и пытаясь встать. – Только попадись мне, придушу, сукин кот!

* * *

Но Митяй, не будь дураком, уже прятался где-то в глубине квартиры. Вот ведь скотина: явно понимал, что делает что-то не так, так как хозяева, обнаружив очередную его «роспись» на полу, всегда громко ругались и, изловив, тыкали его мордой в свежую лужу, приговаривая: «Сюда писать нельзя! Нельзя!! Нельзя!!!».

Митяй, несомненно, признавал свою вину, но из-за какого-то сдвига, произошедшего на старости лет в его кошачьей башке, ничего с собой поделывать не мог и продолжал дуть на пол. И в том, что он сделал это и сегодня, ничего особенного не было. Так, может быть, думал спрятавшийся под кроватью и угрюмо дремавший Митяй. Но Михалыч, с трудом вставший с пола и чувствуя по сильной боли в месте приземления, что он не только ушиб копчик, но и растянул какое-то сухожилие, уже принял для себя конкретное решение, воплощение которого отложил до утра.

Охая на каждом шагу, он доковылял до ванной, тщательно помылся под душем и замочил на ночь в растворе стирального порошка перепачканную одежду. Потом, сидя на стуле

и на нем же рывками передвигаясь, все же протер пол в прихожей и только тогда отправился спать на диван у работающего телевизора. Уже засыпая, почувствовал, как выбравшийся из своего укрытия Митяй запрыгнул на диван. Он вначале постоял пару минут в ногах хозяина, дожидаясь его реакции, и лишь потом уверенно взобрался на его укрытую пледом грудь, уютно свернулся клубком и громко замурлыкал.

– Сволочь ты, Митяй! – пробормотал Михалыч, но кота на груди оставил и провалился в глубокий сон.

* * *

Разбудил его настойчивый стук в дверь. Сенька, больше некому. Михалыч повернулся на другой бок, пытаясь снова заснуть. Но Сенька продолжал избивать дверь. И Михалыч тут же вспомнил о своем вчерашнем решении. Он сел на диване, потряс головой, сделал пару резких вдохов-выдохов. Голова была в порядке, лишь тупо ныла растянутая при вчерашнем падении промежность. И решение, принятое Михалычем, никуда не ушло, а прочно сидело в его голове. Видать, оно исподволь зрело в сознании Михалыча, просто он не хотел себе признаваться в этом. А теперь вот созрело окончательно и требовало реализации, иначе – ну просто уже никак.

Михалыч вздохнул, натянул треники, привычным жестом заправив пустую правую штанину за резинку пояса и, постукивая костылями, пошел открывать дверь. На пороге в длин-

ных семейных трусах, из которых торчали худущие ноги в реденьких светлых волосиках, в майке навыпуск, стоял всклокоченный Сеня.

– Михалыч, у нас там ничего не оставалось, а? – просительно выдавил он серыми губами.

– Не знаю, проходи, сейчас посмотрим, – посторонился Михалыч, пропуская Сеньку. – Что, опять на работу не пошел?

– Отгул взял.

На неубранном столе, среди тарелок с малосольным сигом, солеными груздями и кусками вареной оленины, стояла бутылка с недопитой водкой. Там было еще граммов сто-сто пятьдесят.

– Пей, я не буду, – сказал Михалыч. – И потом оденься и возвращайся ко мне. У меня дело к тебе есть.

– Я сейчас, Михалыч, сейчас! – обрадованно заторопился Сенька, проглотил остаток водки и, не закусывая, побежал домой.

Михалыч вытащил из холодильника пакет с фаршем, позвал громко:

– Кис-кис, Митюша, кис-кис! Иди ко мне, завтракать будем!

Митяй не заставил себя долго ждать и с громким «Мяяя-яя!» тут же объявился на кухне, с мурлыканьем стал тереться о единственную ногу Михалыча. Михалыч сел прямо на пол и, доставая из пакета маленькие кусочки фарша, скатывал

их между пальцев в шарики и по одному подавал на ладони коту. Митяй жадно схватывал этот мясной комочек и, проглотив, терпеливо ждал следующий. А если давать ему есть фарш из кучки, глупый Митяй набивал полный рот и мясная масса давила ему на больные десны, отчего он начинал вертеться на полу, плевать и кричать от боли. Накормив кота, Михалыч спрятал пакет в обратно в холодильник. Потом помыл руки и приготовил большую сумку, в которой Тамара обычно носила Митяя на лечение к ветеринарам. Кот, завидев сумку, побежал прятаться под кровать. Он хорошо знал, чем для него чревато появление этой ненавистной сумки. Сначала его, покачивая, в полной темноте несут в неизвестность, потом чужие люди в белых халатах, в незнакомом помещении с неприятными резкими запахами, насильно раскрывают ему рот и заглядывают в него, подсвечивая себе чем-то ослепительно ярким. Затем следует болезненный укол в бедро, провал в темноту и просыпание уже дома, с тошнотными позывами и мокрой тряпкой на тяжелой голове, время о времени заботливо меняемой хозяйкой, а еще эти неприятные ощущения в выскобленной от зубных камней пасти...

* * *

Стукнула входная дверь.

– Михалыч, я готов! – весело прокричал Сенька. – Куда идти, чего делать?

Всем своим пропитым нутром Сенька чувствовал, что се-

годня ему опять достанется дармовая выпивка.

– Подожди, – сердито сказал Михалыч. – Я сейчас.

Он с сумкой проковылял в спальню, сел на пол и заглянул под кровать. Митяй, нехорошо отсвечивая зелеными глазами, сидел в самом дальнем углу.

– Ну, иди ко мне, иди, Митюша, – забормотал Михалыч, пытаясь дотянуться до кота рукой. Митяй, чуя недоброе, отполз еще дальше.

– Я ж тебя все равно достану! – разозлился Михалыч. И, запустив костыль под кровать, зацепил им кота и подгреб к себе. Взяв его на руки, уселся на кровати. Погладил по серой взъерошенной спине, по большой круглой голове с прижатыми ушами.

– Ну что, Митяй? Пора тебе, брат. Ну, извини, и прощай! Так надо.

Михалыч поцеловал кота в усатую морду, затолкал его в сумку, вжикнул замком и вынес в прихожую, где его дожидался, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, Сенька.

Сумка заходила ходуном, пытаясь выбраться из нее, Митяй стал хрипло кричать, как будто кто его душил.

– Вот тебе пятьсот рублей, а вот сумка с Митяем, – отрывисто сказал Михалыч, протягивая Сеньке дергающуюся сумку. – Отнеси к ветеринарам. Знаешь же, где? Пусть усыпят. Это стоит рублей полста, не больше. Потом купишь водки – и ко мне, помянем Митяя.

– Ух, ты! – почесал в затылке Сенька. – Значит, все же

решил? Ну и правильно. Он же вам тут все загадил, зайти невозможно. Слушай, а куда девать... Ну это, тело?

– Куда, куда... Откуда я знаю, куда, – раздраженно сказал Михалыч, болезненно прислушиваясь к воплям еще живого Митяя. – Земля сейчас мерзлая, не закопаешь. Снеси куда-нибудь в котельную. Купи мужикам пива, пусть сож... Пусть кремируют. Ну, пошел, пошел, не рвите мне тут душу!

Сенька часто покивал головой, как китайский болванчик, повернулся и вышел на лестничную площадку. Дергающаяся сумка тяжело оттягивала ему руку. Митяй, не прекращая, приглушенно выл в своем тесном и темном узилище. И это удаляющееся с каждым шагом Сеньки завывание в самом деле рвало и когтило душу Михалыча. Хоть и надоел ему до чертиков Митяй, было его ужасно жаль. Все же, какая-никакая, а живая, более того – родная душа... А что он скажет жене? Что умер? «А как умер, отчего умер? От старости? А может, это ты его костылем забил, когда больной бедолажка Митюшка сделал очередную лужу?» – с подозрением заглянув в глаза Михалычу, скажет Тома. И ведь будет укорять его в смерти кота до конца дней, хотя сама же и страдала от его старческого маразма. А кто ляжет на грудь Михалычу приятной тяжестью и смурлыкает ему перед сном котофеевскую песню, легонько когтя его перед этим? Черт, это невозможно!

* * *

Слышно было, как хлопнула за Сенькой тугая, на пружину,

жине, дверь, и митяевских жалобных воплей почти не стало слышно. Сенька же сейчас свернет за угол и исчезнет! А с ним и бедняжечка Митяй, который жил с Бельскими душа в душу целых восемнадцать лет и которого Михалыч недрогнувшей рукой отправил на казнь! Вот именно – на казнь! А вдруг он еще будет живой, когда Сенька понесет его, усыпленного, в котельную и отдаст кочегарам на сожжение?

Ну не сволочь, а? Михалыч скрежетнул зубами, смахнул с небритой щеки выкатившуюся злую слезинку и в два широких взмаха костылей оказался на кухне, пододвинул к окну стул, взгромоздился на него и, балансируя на одной ноге, торопливо стал дергать на себя примерзшую за ночь внутреннюю фрамугу форточки, толкнул на улицу наружную. С улицы ворвался морозный воздух, пахнувший угольной копотью от соседней котельной. Михалыч просунул всклокоченную голову в форточку, завертел ею в поисках Сеньки. Но того уже нигде не было. Ушел! А до ветеринарной клиники идти – всего ничего, метров двести.

Надо позвонить туда, сказать, чтобы они ничего Митяю не делали и отправили Сеньку обратно, домой. С котом! Так, где же справочник? А, вот. А как зовут их главного врача? Вспомнил – как их районного главу, Борис Иванович! Сейчас, сейчас, Митюша, ты будешь скоро дома и папочка покормит тебя твоим любимым фаршиком.

Михалыч потянулся за трубкой, и аппарат неожиданно за-

звонил. Настолько неожиданно и резко, что у Михалыча даже неприятно подпрыгнуло сердце, и он отшатнулся от стола. Снял трубку. Звонила его благоверная. Сообщила, что послезавтра вылетает, что насчет машины договорилась сама в управлении образования и в порту ее встретят.

– Ладно, ладно, – торопливо сказал Михалыч, – мы ждем, извини, у меня что-то живот разболелся.

Нажал на рычаг и стал набирать номер ветеринарной клиники. Набрал, подождал соединения, но из трубки послышались короткие гудки. Занято! Но как же так, он же не успеет! Чуть не плача, дрожащим указательным пальцем снова стал нетерпеливо набирать номер. Диск вращался очень медленно, пару раз сорвался, и номер пришлось набирать вновь. Наконец, соединение... Слава тебе господи, пошел длинный гудок! Гудок, еще гудок. Но почему же никто не берет телефон? А, нет, взяли!

* * *

– Ветеринарная клиника, слушаю вас, – сказала трубка низким женским голосом. Видимо, медсестра.

– Это... Как мне услышать вашего главного врача, Бориса Ивановича? – хрипло спросил Михалыч.

– Он сейчас не может подойти. У него операция.

– Какая еще операция? Что, уже моего Митяя усыпляют? – закричал Михалыч.

– Какого еще Митяя? – удивились в трубке. – Кобельку тут одному ухо зашивают, порвали в драке. Не помню, как

его зовут, но точно не Митяй.

– Уфф! – вытер вспотевший лоб ладошкой Михалыч. – Послушайте, как вас зовут... Ирина Петровна, тут к вам должен подойти один мужичок с котом в сумке, зовут его Митяй.

– Кого, мужичка?

– Да нет, мужичка зовут Сенька... Вернее, Семен. А в сумке у него кот. Вот тот Митяй.

– Подождите, подождите, – сказала Ирина Петровна. Слышно было, как она спросила кого-то: «Мужчина, это не вы Семен? Да вы что, глухой? Вы, говорю, Семен? И в сумке у вас кот Митяй?». И опять в трубку:

– Пришли ваши Семен с Митяем. И что?

– Дайте ему трубку! – обрадовано сказал Михалыч.

– Але, кто это? – просипел Сенькин голос. – Говорите громче, вас не слышно!

– Сенька, глухая ты тетеря! – весело прокричал в трубку Михалыч. – Все, акция отменяется! Дуй с Митяем домой! Домой, тебе говорят!! Ну, зайди, зайди по пути в магазин...

Пить с Сенькой в этот раз он не стал – отдал ему только что купленную им бутылку целиком, и Сенька, не веря своему счастью, торопливо ушел домой с водкой под мышкой. А Михалыч на кухне осторожно извлек уже охрипшего от ора Митяя из сумки и сел с ним, как обычно, на пол перед извлеченным из холодильника пакетом с оленьим фаршем.

– Давай, брат, порубай оленинки-то, и спать, – виновато

бормотал он, подсовывая мясные катышки под обиженную митяевскую морду. Но Митяй нервно дергал хвостом и усами и отворачивался от руки дающего.

– Обиделся, да? Обиделся. Эх, ты! – укоряющее сказал Михалыч, поглаживая кота по взъерошенной спине. – Это я на тебя, между прочим, обижаться должен. Чуть калекой из-за тебя не стал, до сих пор копчик и все, что рядом, болит. Ну ладно, ладно, все, мир! Живи, никто тебя больше не тронет. Иди, отдыхай. Потом поешь.

И Митяй, осторожно ступая, ушел с кухни. Михалыч вздохнул и включил чайник, потом – маленький телевизор, стоящий на морозильной камере. Но и сквозь шум закипающего чайника и грохотание какой-то войнушки по НТВ он расслышал характерные звуки. Это Митяй часто-часто скреб когтями линолеум в прихожей. А спустя несколько секунд в нос шибануло аммиаком.

– Ну, ты и козел, Митяй! – морщась, проворчал Михалыч. Он вышел в прихожую. Митяя там уже не было, а на полу расплылась огромная лужа.

– Мстишь, да? – сердито сказал Михалыч в пространство, зная, что спрятавшийся под кроватью Митяй все прекрасно слышит и довольно щурит свои подлинявшие к старости зеленые глаза. Михалычу ничего не оставалось, кроме как выволочь с кухни стул, сесть на него рядом с поломоечным ведром и в очередной раз взяться за швабру.

* * *

Закончив с замыванием следов преступления Митяя, Михалыч затем «замел» и свои, оставшиеся после небольшого загула с Сенькой, и решил вздремнуть. Устроившись на диване, он позвал Митяя – недовольство на старого беспутного кота прошло, а на смену ему пришло умиротворение от того, что Михалыч все же не совершил злодейство. Ну, а то, что Митяй продолжал творить свои мокрые дела... Что ж, старость – она никому не в радость. Еще неизвестно, что будет с самим Михалычем, когда он доживет до возраста Митяя. Если, конечно, доживет – по человеческим меркам, коту было уже далеко за восемьдесят.

– Ну, иди же ко мне, дурачок, иди, – звал Михалыч, приглашающе похлопывая ладошкой по дивану – обычно Митяй, услышав этот звук, всегда спешил уютно устроиться на груди своего хозяина. – Кис-кис, Митюша, кис-кис.

Но Митяй не шел. «Крепко же он на меня обиделся, – сконфуженно подумал Михалыч. – Еще бы не обидеться – чуть в крематорий не угодил. Ладно, я не гордый, сам к тебе пойду».

И он прохромал в спальню, опустился на пол, заглянул под кровать. Митяй был там. Он лежал головой к Михалычу, а глаза его были закрыты. Спит, что ли?

– Митяй, а, Митяй? Ты чего это тут разлегся? Не слышишь, что ли, как тебя папа зовет? – с охватившим его непонятым волнением забормотал Михалыч. – Ты что, еще и оглох, ко всему? А ну вылазь, да пошли на наш диванчик.

Но Митяй молчал. И Михалыч все понял. Он дотянулся дрожащей рукой до Митяя, пошевелил его еще теплое, но уже безжизненное тело. Все, Митяя не стало. Ошеломленный Михалыч осторожно вытащил безвольную тушку кота с обвисшими лапами и некогда пушистым хвостом, на котором от старости образовалась большая проплешина, положил его на кровать, присел рядом.

– Вот как, брат, ты решил, – дрожащим голосом сказал Михалыч, поглаживая кота. – Сам, значит, ушел. Ну что ж, прощай, брат Митюша, и прости меня. И спасибо тебе, что был у нас.

Закончив свою бессвязную прощальную речь, Михалыч нагнулся и коснулся губами мохнатого, остывающего лба Митяя с зажмуренными глазами. На голову кота скатилось несколько слезинок. Вытерев кулаком глаза, Михалыч пошел за давешней сумкой.

Завтра прилетала Тамара. Митяя надо было похоронить до ее возвращения, чтобы она не видела кота неживым. Именно похоронить.

Михалыч позвонил начальнику бывшей своей мехколонны, с которым он был в хороших отношениях, объяснил суть дела. Через пару-тройку часов за ним приехал вездеход. Михалыч нацепил протез, оделся и, осторожно ступая со ступеньки на ступеньку, спустился со своего второго этажа с сумкой в руке. Взревев, вездеход вырулил со двора и помчался по малолюдным улицам поселка на окраину, а затем

вообще выехал за его пределы. В паре километров в тайге была вырублена и обустроена большая площадка под учебный автодром. Вездеход пересек его и спустился к кромке тайги. Под одной из заснеженных лиственниц, плотной стеной подступающих к автодрому, темнела выдолбленная в вечной мерзлоте метровая яма.

– Мужики вот здесь решили выкопать могилку твоему ко-ту. Пойдет, Михалыч? – почтительно спросил водитель вездехода Андрей. Михалыч кивнул.

– Ну давай своего... своего приятеля, я похороню. Да ты сиди, я сам.

Но Михалыч отрицательно помотал головой и вылез из теплой кабинки. Неловко шагая по глубокому снегу, он подошел к ямке и осторожно опустил на ее дно сумку с Митяем. Постоял с минутку молча.

– Ну, закапывай, – скомандовал он Андрею, сокрушенно махнув рукой и, тяжело опираясь на трость, побрел к вездеходу...

* * *

Вернувшись домой, Михалыч нехотя пообедал позапозавчерашним борщом, потом лег на диван и попытался поспать – в эту ночь ему нужно было идти на дежурство в детский сад. Ворочался, ворочался, а заснуть так и не смог – перед глазами все время стояла добродушная усатая морда Митяя. Да и засыпать он привык, ощущая у себя на груди теплую тяжесть громко тархтящего кота – вот такое могучее

у него было мурлыканье. «Что за черт! – раздраженно думал Михалыч. – Ну, любил я кота. Ну, умер он. Не родственника же похоронил какого, не приятеля. Что ж мне нехорошо-то так, тоскливо?». Но в глубине души Михалыч прекрасно понимал, что Митяй за эти годы очень глубоко вошел в его жизнь, в жизнь его жены Тамары, отсюда и эта скорбь.

Еще неизвестно, как Тамара перенесет кончину Митяя, которого она тоже очень любила, невзирая даже на его старческую немощь с этими мокрыми последствиями. «Нет, надо будет завести нового кота, желательно совсем котенка, чтобы прожил как можно дольше, а еще лучше – пережил бы меня, – решил в конце концов Михалыч. – И назвать его Митяем».

Так и не сомкнув глаз до самого вечера, Михалыч затем отправился на дежурство в детский сад. Вот здесь он, наконец, выспался – может, потому, что в садике ему ничего не напоминало о Митяе. Вернувшись с дежурства, он сварил свеженький вермишелевый суп с курицей, настрогал салат из помидоров и огурцов – вот-вот должна была прилететь Тамара.

А вот и нетерпеливый прерывистый звонок в дверь – так звонила только она. Михалыч при полном параде – чисто выбритый и наодеколоненный, в свежей рубашке, с пристегнутым протезом, в выглаженных брюках, – торопливо похромал к двери.

Тамара, вкусно пахнущая морозцем и какими-то тонкими

духами – видимо, в городе прикупила по случаю, перешагнула порог. Михалыч снял с ее плеча и поставил на пол большую сумку, еще какую-то коробку Тамара сама осторожно пристроила на тумбу у зеркала, и только тогда позволила себя поцеловать.

– Ну, как вы тут, без меня, не сильно шалили? – нарочито строго спросила она мужа.

– Да так, – сказал Михалыч. – Немножко. Давай раздевайся, и за стол, пока супчик горячий.

И тут в коробке кто-то зашуршал, запищал.

– Что это? – удивленно спросил Михалыч.

– Сюрприз! – засмеялась Тамара. – Да ты открой.

Михалыч осторожно отвернул картонную крышку, и суеверно отшатнулся: на него смотрел зелеными глазами серый полосатый котенок, вылитый Митяй в детстве, такой же лобастый. Михалыч вытащил его из коробки, поставил на тумбу. Ну да, Митяй и Митяй, даже окрас ближе к брюшку также переходил из серого в палевый цвет.

– Откуда он у тебя? – потрясенно спросил Михалыч.

Оказалось, что котенка подобрал в троллейбусе сын, когда возвращался на квартиру из университета. Кто-то намеренно оставил его там. Котенок ползал под сиденьем и отчаянно пищал. Сердобольный Вадик, которого также поразило сходство потеряшки с Митяем, посадил его в свой рюкзак и привез домой. Как раз накануне прилета матери к нему. Ну, а уговорить маму забрать котенка с собой большого тру-

да не составило. Тем более, что хозяйка квартиры высказала Вадику свое явное недовольство присутствием беспокойного кошачьего детеныша в ее домовладении.

– Пусть живет, да, Михалыч? – просительно сказала Тамара, прижимаясь к мужу и поглаживая котенка по выгнутой полосатой спинке. – Митяй у нас уже старенький, вот-вот, не дай Бог, случится с ним что. А тут его готовое, можно сказать продолжение. Где, кстати, сам-то Митяй? Чего он не идет знакомиться?

– Вот это и будет наш второй Митяй, – сказал Михалыч. – Ты его вовремя привезла. Ну, иди к папочке, Митюша. Пойдем, я тебя покормлю...

Борька

– Сына, иди-ка на улицу! – прямо в сапогах заскочив с улицы в горницу, где за столом делал уроки пятиклассник Антоха, сердито позвал его отец.

– А чё надо? – буркнул Антоха, не отрываясь от тетрадки – задачка по математике шла сегодня очень трудно, а помочь ему в доме было некому, и мать, и отец Антохи закончили всего по три-четыре класса («Такое время было, сынок – вздыхала мама. – А ты учись, учись. Может, агрономом или зоотехником станешь»).

– Через плечо! – гаркнул злой с похмелья батя. – Пошли, говорю! Борьку своего нам из сарая позовешь! Не идет, зараза!

Батя выругался и выскочил из дома, хлопнув дверью.

– Иди, сынок, иди, помоги папке-то, – перестав греметь посудой, из кухни выглянула мама с озабоченным лицом.

– А зачем им Борька? – с подозрением спросил Антоха.

– Ну, зачем, зачем, – уклончиво вздохнула мама, откидывая за ухо прядь поседевших волос. – Что ты как ребенок, ей-Богу? Сам же все знаешь. Пришло Борькино-то время.

У Антохи заныло под ложечкой. Конечно, он был не маленький и прекрасно знал и видел, что батя время от времени делает с той живностью, которая блеет, мычит, хрюкает, квохтает и гогочет в разномастных клуньях, сараях, денни-

ках, наклепленных друг к дружке в разных уголках их большого сельского подворья.

Семья Панкиных, к которой имел честь принадлежать и Антоха, считалась в Моисеевке одной из хозяйственных. Батя Антохи хоть и попивал, но дело свое знал. В сарае у них всегда переминалась с ноги на ногу и грустно вздыхала корова и один-другой теленок; в свинарнике похрюкивали с пятток штук подрастающих к закланию поросят; по двору шлялись несколько меланхолических овечек и пара коз с бесовскими желтыми глазами; собравшись в тесную компашку, деловито клевали высыпаемый прямо на землю корм куры; чертя по земле распущенным крылом, боком ходил злобный индюк, болтая свисающей с носа красной кожаной «сосулькой» и высматривая, кого бы клюнуть; скандально гоготали крупные бело-серые гуси.

Батя, когда мама просила его об этом, ловко выхватывал любую пернатую тварь за шею, шел к специальной колоде и в секунду оттяпывал на ней птице голову топором и отбрасывал ее, еще хлопающую крыльями, в сторону. И, как ни в чем не бывало, шел заниматься другими делами, потому что дальше была уже мамина забота – ошпарить перепачканную кровью тушку птицы и ощипать ее.

С овцами отец тоже разделялся на раз. Поймав за заднюю ногу несмело брыкающуюся ярку, он, попыхивая торчащей из уголка жесткого сухого рта папироской, волок ее под специально сооруженный навес у дровяника. Собрав в куч-

ку все четыре ноги овцы, связывал их бечевкой, потом брал в правую руку острый нож, и... И через пять минут уже освежёвывал подвешенную за задние ноги тушу.

Больше возни было со свиньями. Одному с раскормленным хряком или уже отслужившей своё и потерявшей репродуктивные способности свиной весом килограммов с полтора, а то и двести, отцу было не справиться. С Антошки, хотя и старшего из двух братьев, толку еще не было, и батя приглашал помочь совершить свинское смертоубийство дядю Колю, женатого на его сестре.

Дядя Коля, худой, с вечно спадающими с тощей задницы штанами, приходил обычно с похмелья, жаловался, что у него трясутся руки, и они, прежде чем взяться за дело, распивали с отцом бутылочку, а то и другую, за которой отец посылал в магазин маму.

Мама ворчала, но отцу перечить не смела – тот, очень сильный, вспыльчивый и всю свою сознательную деревенскую жизнь бестрепетно губивший домашних животных, и с людьми-то был скор на расправу.

Потом мужики, раскрасневшиеся после выпитого, выходили во двор с неизменными папиросками во рту, дружно наваливались на выманенную из свинарника каким-нибудь запашистым кормом свиную – особенно те велись на сваренную в мундире мелкую картошку, – укладывали ее, истошно визжащую, на спину...

Антоха в такие моменты затыкал уши и убегал в дом или

со двора куда подальше, чтобы не видеть и не слышать всего этого.

Такие жесткости на дворе Панкиных происходили регулярно, как, впрочем, и во всех остальных дворах Моисеевки, и считались делом хоть и малоприятным, но обычным. Не сделав больно животным и не убив их, нельзя было отнять у них сало, мясо для пропитания семей и для продажи излишек. На этом живодерстве, в основном, и строилось благополучие деревенских жителей. И все дети сызмальства знали, откуда берутся вкусные куриные ножки в супе или толстые сочные котлеты на большой скворчащей сковороде, и относились к кровопролитиям на задних дворах если не равнодушно, то с пониманием.

Но при этом в деревенских семьях случались и трагедии — это когда родители неосмотрительно позволяли своим малолетним детям полюбить выращиваемых на заклание поросят, телят. Конечно, таких детей в час «икс» старались не выпускать во двор, но ведь те все равно, спустя какое-то время, обнаруживали исчезновение своих любимцев, по поводу чего потом закатывали истерики и отталкивали от себя тарелки, подозревая, что в них плавают как раз мясо их любимцев.

Впрочем, такие душевные раны были не особенно глубокими и заживали достаточно быстро. Можно сказать, в считанные часы, особенно когда надоедало есть один хлеб с молоком. И образ любимого забавного существа также быстро стирался из детской памяти.

Антоха на своей короткой еще памяти уже терял таким образом смешного белого поросенка с черными рыльцем и пяточком, которого он назвал Чернышом, и практически ручного гусака Гоголя. Полторагодовалый Борька был третьим существом, к которому Антоха привязался с самого его рождения. Это был красивый пестрый теленок, с рыжими, почти красными пятнами на ослепительно белой шкурке, родившийся зимой и первые несколько недель живший у них дома в специально отгороженном для него уголке на кухне.

В семействе Панкиных этому коровьему детенышу обрадовались все. Правда, каждый по-своему. Родители – потому, что это был бычок, которого можно откормить на мясо и выгодно продать. Антоха с младшим своим братцем Ванькой – потому, что Борька оказался очень компанейским парнем, охотно сосал им пальцы своим беззубым, теплым и слюнявым ртом, и еще ему нравилось бодаться с пацанами.

То Антоха, то Ванька, улучив момент, пока не видят родители (те ругали их за эту забаву, считая, что бычок может вырасти очень бодливым), нагнувшись и упершись своим лбом в курчавый лоб Борьки, толкали его. Борька тоже начинал сопеть, упираться разъезжающимися копытцами в деревянный пол, и часто у них бывала ничья.

Потом Борьку перевели в сарай, к мамке поближе, а там и весна пришла. На улице стало тепло, снег сошел, и быстро растущего бычка, которого буквально распирали энергия и он, как сумасшедший, прыгал в своем закутке, стали

выпускать на свежий воздух. И Борька, смешно взмыкивая и вертя голым хвостиком с пушистой кисточкой на конце, кругами носился по двору, распугивая кур и овец.

А с приходом лета Борьку стали выгонять на пастбище вместе с матерью, волоокой и с очень большим, сразу на ведро молока выменем, коровой Зорькой. Где-то там, далеко за селом, они целый день щипали сочную травку под присмотром общественного пастуха, вечно пьяненького дяди Ильи Копенкина, и грузно возвращались домой с раздутыми боками. Борька очень быстро рос, к осени он уже почти нагнал свою мамку. Голова у него стала очень большая, как чемодан, и была увенчана толстыми и пока еще короткими, но уже очень убедительными рогами.

И скоро он превратился в натурального, кило на четырехеста, бугая. Его побаивались все, кроме Антохи. Борька по-прежнему охотно подпускал этого белобрысого ласкового пацана к себе, особенно когда тот приходил с краюхой хлеба, слегка посыпанной солью. А еще он очень любил, когда тот почесывал ему шею. Борька клал свою тяжелую голову на край загородки и только шумно вздыхал, когда Антон с хрустом расчесывал ему растопыренной пятерней тяжело отвисшую с мощной шеи кожистую складку.

Ближе к весне с кормами стало туго, и отец решил, что Борьку кормить больше нет смысла и пора пустить его на мясо. Сдавать быка «шкурникам» из заготконторы, старающихся объегорить хозяев закупаемого скота, он не стал («зачем

я им буду зазря отдавать треть цены!» – орал батя накануне вечером, когда они под бутылку договаривались у них дома с дядей Колей, когда будут решать Борьку).

И вот Борькина очередь настала. Уже сегодня.

– Ну, где ты там застрял? – раздраженно сказал отец, когда Антоха, накинув фуфайку и сунув ноги в галоши (на улице уже подтаивало), нехотя вышел за ним во двор.

– Да иду же, иду, – буркнул Антоха, плетясь за отцом к сараю. Во дворе уже все было заготовлено для заклания быка: под скотобойным навесом постелена свежая солома, а рядом светились чистенько вымытые эмалированные тазы и корыта для потрохов и мяса, курилось паром наполненное теплой водой ведро со свисающими с краю тряпками.

На колоде лежали два больших остро наточенных ножа (отец вчера, морщась от дыма, торчащей из уголка рта папиросы, долго ширкал ими по полукругу наждачного камня). К колоде был также прислонен и топор, на соломе валялись длинные ремни вожжей.

И у Антохи внутри всё похолодело, когда он окончательно понял, что весь этот ужасающий арсенал заготовлен для того, чтобы мучительно и беспощадно убить Борьку и, превратив его в несколько сот килограммов мяса, затем распродать на базаре в райцентре. Того самого глупого и веселого бычка, с которым они так славно, лоб в лоб, бодались на кухне зимними вечерами.

– Я не пойду звать Борьку, – внезапно остановившись, ска-

зал хриплым голосом Антоха.

– Это почему же? – недобро прищурился отец.

– Потому, что вы его зарежете, – прошептал Антоха и всхлипнул.

– Ну, растудытьтвоюпротакпроэтак! – в сердцах загнул что-то труднопроизносимое отец. – Что ты как маленький, а? А ну пошел в сарай!

И он отвесил сыну пока не сильную, но довольно увесистую затрещину. Антоха испуганно подпрыгнул и покорно побрел к сараю.

– Хлеба возьми, – сунул ему в руку отец горбушу. – Я вот прихватил. И даже присолил, как он любит.

Борька стоял в своем загоне, повернувшись головой не к яслям с сеном, а к выходу, и угрюмо набычившись. Мать его, Зорька, лежала на дощатом настиле в соседнем закутке и, громко вздыхая, меланхолично пережевывала жвачку. И ей, похоже, было абсолютно все равно, что вот-вот должно произойти с ее выросшим дитем.

– Му-у! – басом пожаловался на что-то Борька, завидев Антоху.

– На, Боренька, съешь, – утерев слезы, протянул ему Антоха горбушку. Борька аккуратно зацепил краюху длинным сизым языком и отправил ее в рот, медленно зажевал, двигая нижней челюстью из стороны в сторону.

– Ну, зови его, – вполголоса сказал за его спиной отец. – Или ты хочешь, чтобы мы зарубили его топором прямо

здесь?

– Я щас, щас, – испуганно заторопился Антоха. Отперев загородку, он ласково позвал:

– Пойдем, Боря, пойдем, погуляешь.

Борис доверчиво шагнул за ним из загородки, осторожно ступая громадными раздвоенными копытами, вышел на улицу из полумрака сарая. И потопал за Антохой к навесу, где для него все было заготовлено. Дядя Коля, улучив момент, сноровисто накинул быку на шею через небольшие еще рога веревочную петлю и другой конец ее примотал к столбу.

Отец в это время суетился в ногах Борьки – он их, все четыре, как-то быстро и по-особому перехватил вожжой, и они вместе с дядей Колей дружно потянули свободный конец на себя. Вожжа захлестнулась на ногах быка в хитроумную петлю, потянула их все в кучу, и Борька с недоуменным мычанием пошатнулся, потерял равновесие и рухнул на солому.

Антоха со все возрастающим страхом следил за тем, как ловко работают мужики: дядя Коля крепко притянул голову Борьки рогами к столбу, а отец для страховки еще раз перевязал скрещенные ноги быка. Тот теперь был совершенно беспомощен и только шумно дышал и затравленно поводил вокруг синеватыми белками вытарашенных глаз в обрамлении белесых ресниц.

– Фуф! – вздохнул отец, отирая рукавом потрепанного пиджака потный лоб. – Пойдем-ка, Коля, дернем грамм по сто, да перекурим. Устал я чего-то. А бычок пусть полежит пока.

Никуда он уже не денется.

И они, не обращая внимания на стоящего в сторонке и потупившегося Антоху, пошли в дом. Когда за ними, скрипнув, закрылась дверь в сенцах, Антоха бросился к быку, встал перед ним на колени и забормотал, глядя его по курчавому лбу.

– Боренька, ты не обижайся на меня, ладно? Ну, чего ты на меня так смотришь, а? Я же ничего не могу поделывать, сам должен понимать...

– Ммууу! – снова тихо пожаловался ему Борька и попытался привстать, но лишь дернул спутанными ногами и обреченно вздохнул. У впечатлительного Антохи из глаз снова закапали слезы, и он, ткнувшись губами в шершавый влажный нос быка, встал, чтобы уйти. Не домой, к незаконченному урокам, а куда-нибудь со двора подальше, чтобы не видеть и не слышать происходящего здесь.

Антоха еще раньше дал себе клятву: во что бы то ни стало выучиться и навсегда уехать из деревни, чтобы никогда самому не разводить скот и не убивать его. А сейчас он только укрепился в своем решении.

Борька проводил его печальным взглядом, и этот взгляд обреченного животного резанул по сердцу Антохи как ножом. И Антоха, еще не понимая, что он делает, но в то же время осознавая, что наступил в его жизни тот самый миг, когда от него требуется поступок, вернулся к колоде, взял с нее нож и, присев около Борьки, разрезал веревку, которой тот был примотан за рога к столбу. Борька тут же поднял го-

лову с болтающимся на шее обрывком веревки, и снова попытался встать.

– Щас, Боря, щас! – лихорадочно шептал Антоха, на коленках подползая к его ногам и перерезая стянувшие их вожжи. Бычок тут же тяжело вскочил на ноги и остался стоять на месте, еще не определившись, видимо, куда ему идти.

Антоха же подбежал к калитке, распахнул ее и, вернувшись к Борьке, шлепнул его ладошкой по мускулистому заду, одновременно как бы подталкивая вперед.

– Иди, Борька, на улицу, – просительно сказал он. – Ну, иди же, тебе говорят!

А тупой Борька ухватил клок соломы и принялся ее пережевывать. Тогда отчаявшийся Антоха подобрал около поленницы палку и легонько стукнул бычка по мясистой ляжке.

– Пошел, пошел!

И Борька, поняв, что Антоха гонит его со двора, неспешно пошел к калитке, протопал мимо глядящих во двор окон горницы, и из дома, к счастью, его никто не заметил, так как Ванька носился где-то в деревне, отец с дядей Колей бражничали в это время на кухне, а мама, как обычно, хлопотала у плиты.

Задевая своими крутыми боками проем калитки, Борька протиснулся на улицу и степенно двинулся к концу села, где обычно на выгоне по утрам собирали весь скот перед тем, как погнать на пастбище. Бычок хорошо помнил эту дорогу

и уверенно шел по ней, ничуть не сомневаясь в том, что его гонят именно туда, где растет сочная зеленая трава. Не смущало его и то, что рядом не было его постоянной спутницы – мамы-коровы Зорьки. Главное, рядом шел, держась за свисающую с его шеи, веревку, Антоха, а ему Борька доверял как никому.

Антоха же торопился выгнать бычка за село, а там пускай идет куда хочет, главное, спасти его сейчас от этих страшных заготовленных ножей, а там будь что будет. Он даже представить не мог, какую же трепку задаст ему отец за то, что угнал со двора почти четыре центнера несостоявшейся говядины.

– Ты же Михаила Панкина сын? – сквозь горестные раздумья услышал Антоха чей-то знакомый мужской голос и споткнулся, остановился. Стал как вкопанный и Борька, продолжая пережевывать прихваченный в дорогу клочок соломы.

Спрашивал Антоху, а с восхищением смотрел на Борьку их отделенческий зоотехник Петр Егорыч.

– Ну, – шмыгнув носом, подтвердил Антоха. – Панкиных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.